

Концепция мягкой силы в политической культуре Китая

Аннотация. В статье рассказывается о концепции мягкой силы в политической культуре Китая. Проблема рассматривается в историческом контексте древнекитайской философии и современном развитии концепции «мягкой силы». Автор анализирует взаимосвязь между духовной, общественной и политической сферами в установлении и развитии китайской империи. Концепция «мягкой силы» имеет большую значимость в современных политических стратегиях ведущих мировых держав. Основные принципы этой концепции были заложены в Китае еще в глубокой древности и восходят к началу зарождения его философской традиции. Методологией исследования при подготовке статьи явился теоретический анализ и обобщение научной литературы, периодических изданий об исследуемой теме. Основными выводами проведенного исследования являются то, что Конфуций развивал патерналистскую концепцию государства, которое трактуется им как большая семья. Политическая этика Конфуция в целом направлена на достижение мира между верхами и низами общества и стабилизацию правления. Гибкость и способность к реинтерпретации традиционных ценностей в духе современности, к перманентному самообновлению, к творческому восприятию и адаптации инокультурных влияний с опорой на национальную традицию – именно здесь в значительной степени скрыта разгадка «тихоокеанского чуда» – гигантского рывка «азиатских драконов», да и самого Китая, практически во всех сферах жизни.

Ключевые слова: мягкая сила, политика, конфуций, древний Китай, империя, публичная дипломатия, культура, цивилизация, история, общество.

Abstract. The article discusses the concept of soft power in the political culture of China. The issue is examined in the historical context of Ancient Chinese philosophy and the modern development of the concept of “soft power”. The author analyses the interrelation between the spiritual, social and political spheres in the establishment and development of the Chinese Empire. The concept of “soft power” has great meaning in the modern political strategies of the leading world powers. The main principles of this concept had been laid out in China already in early Antiquity and go back to the beginning of its philosophical tradition. The research methodologies applied in preparing this article are the theoretical analysis and the generalization of the scientific literature and periodic press on the studied topic. The main conclusions drawn from the conducted research are that Confucius developed a paternalistic concept of state, which he defined as a big family. The political ethics of Confucius were generally directed at achieving peace between the high and low strata of society and the stabilization of power. The flexibility and ability to reinterpret traditional values in the spirit of modernity towards permanent self-renewal, artistic perception and adaptation to external cultural influences, building on the national tradition – this is precisely where the solution of the “Pacific Ocean Miracle” is essentially hidden – a gigantic leap of the “Asian dragons”, and China itself, in almost all spheres of life.

Key words: public diplomacy, empire, Ancient China, Confucius, politics, soft power, culture, civilization, history, society.

В последнее время все больший научный интерес вызывает концепция «мягкой силы». Она рассматривается как один из наиболее эффективных инструментов расширения политического влияния государства. Однако, как политический инструмент, «мягкая сила» складывается не только из политического, но также из экономического и культурного влияния [1.С. 94-98].

Следует отметить, что понятие «мягкой силы» шире, чем публичная дипломатия, гражданская дипломатия, «брендинг» государств или пропаганда. Концепция «мягкой власти» сместила фокус с исключительно практических вопро-

сов на изучение тех принципов и технологий, которые задействованы при взаимодействии с зарубежными и внутренними аудиториями. При этом важно заметить, что силовые методы воздействия не используются [2.С.313-315].

Главный смысл «мягкой силы» заключается в формировании привлекательного имиджа власти, то есть в способности влиять на поведение людей, заставляя их делать то, что в ином случае они никогда бы не сделали.

Достичь этого, по мнению Д. Ная, возможно, используя «власть информации и образов», власть смыслов. Иными словами, ядро «мягкой силы» – информативность и адаптируемость к

разным культурам. При всей кажущейся относительной дешевизне и удобстве данной теории для внешнеполитического использования один важный момент часто упускается теоретиками и особенно идеологами мягкой силы. «Мягкая сила» притягательного образа и ценностей всегда является проекцией жесткой силы [3.р.307].

«Мягкая сила» представляет собой разнонаправленные идейно-ценностные структуры, которые произрастают из разных культур, политических практик и являются продуктом той среды, в которой они сформировались, со своим специфическим видением мира и своего места в нем.

Важнейшим инструментам «мягкой силы» Китая является распространение традиционной китайской культуры, базирующейся на идеях конфуцианства.

В последние годы в Китае активно проводились исследования в области конструирования собственной модели «мягкой силы», которую руководство страны встраивало во внешнеполитический курс. Концепция «мягкой силы» с китайской спецификой опирается на принцип «гармонии» во всех областях жизни и, согласно установкам местных экспертов, существует неразрывная связь между «жесткой» и «мягкой» силой. «Мягкая сила» трактуется ими как мудрость, выраженная в ходе применения «твердой силы», а укрепление «твердой силы» сопряжено с увеличением «мягкой силы» [4.С.1].

В Китае полагают, что посредством реализации программы развития своей «мягкой силы» к 2020 г. будет выполнена задача полного построения среднезажиточного общества и, повысив свою совокупную мощь, страна займет лидирующее положение в экономике, культуре, образовании, а также в сфере инновационных технологий. Органичной частью китайской «мягкой силы» стала «китайская мечта», относительно которой успел высказаться и Джозеф Най – основатель концепции «мягкой силы» [5.Рр.24-36].

Несмотря на то, что сама концепция мягкой силы появилась в 20 веке и связана с американским ученым Джозефом Наем, но сама идея о мягкой силе восходит к периоду становления китайской цивилизации. Конфуций активно продвигал политику мягкой силы и верил, что правящая элита того времени не нуждается в применении жестких методов для достижения своих целей.

Конфуцианская идея правления добродетелью вместе со смежными доктринами и систе-

мой продвижения чиновников на основе их умений и способностей – это форма «мягкой силы», которая использовалась правителями Китая на протяжении всей истории имперского Китая.

Конфуцианство является не только фундаментальной системой образа мыслей в традиционной китайской культуре, а также является удивительным интеллектуальным источником для современных обществ Китая, Японии, Вьетнама, Сингапура в культурной, этической, юридической, политической и образовательной системах.

Китай был первым государством в Восточной Азии, основавший собственную письменность. Срединное государство оказало существенное влияние на своих соседей в области языка, философии, литературы и искусства. Японцы, корейцы и вьетнамцы заимствовали китайскую иероглифику в свою письменность [6.Р.18]. Культура и политические системы Вьетнама, Кореи, Японии и других стран формировались под влиянием идей Конфуция.

Письменные источники насчитывают более трех тысяч лет существования китайской империи, а археологические данные свидетельствуют о древней истории Китая протяженностью в пять тысяч лет. С древних времен Китай населяли различные этнические группы, которые оказали свое влияние на становление новых культурных ценностей и адаптации их в империи.

Тем не менее, китайская культура с самого своего возникновения и до настоящего времени развивалась согласно собственной логике, оставаясь довольно устойчивой к вмешательству извне. Во время правления династии Чжоу, анализируя причины упадка династии Инь, говорилось не о недостаточной политической мощи, а о несоблюдении моральных ценностей и добродетелей императорами династии Инь.

В «Шу цзине» читаем: «Чжоу-гун сказал: «Мудрейший Ши, не знающее сострадание Небо, послало несчастье на Инь, и Инь утратило повеление Неба (на правление Поднебесной); мы же чжоусцы, его обрели. Я не решаюсь утверждать что за основанием государства навсегда последует благоденствие, но, коль скоро Небо помогает тем, кто полагается на него, я не решаюсь также утверждать, что конец государства будет достоин сожаления [7. С.111]

Повеление Неба на правление Поднебесной отразилось в представлениях китайцев о Мандате Неба, которое получило развитие в

учениях древних философов Китая, особенно в философии Мо-цзы. Правитель мыслился как персона, наделенная мандатом Неба на управление Поднебесной. За свои неблагоприятные поступки он мог лишиться этого Мандата. В «Шу Цзине» говорится о том, что Небо вручило Мандат правителям Ся (21 в. до н.э. – 16 в. н.э.), однако последний из них своей жестокостью и беспощадностью прогневил его. Тогда Небо даровало Мандат правителям династии Шань-Инь, пока последний из праздности и веселья не лишился его. И, наконец, Мандат был вручен чжоусским правителям, которых Небо наградило за их добродетель [8. С.26-33].

В период Чжень Го к управлению политическим и общественным мнением стремились и легисты. По вопросам внешней и внутренней политики легисты и конфуцианцы демонстрировали диаметрально противоположные взгляды. Последние выступали за применение гуманных методов управления, критиковали военные акции, осуждали стремление к чрезмерным территориальным захватам циньских правителей. Легисты же говорили о необходимости создания сильного централизованного государства, важности опоры на законы, опоры на сильную армию и необходимости внешней экспансии [9.Р.115].

Что же являлось важнейшим на тот момент – регулирование всех общественных отношений, мораль и нравственное убеждение или закон и система наказаний?

Одной из причин падения Цинь явились тяжкие законы и чрезмерно суровые наказания. Центральной проблемой во всей китайской философии являлся вопрос о том насколько допустимы изменения методов правления, доставшихся от прошлого? При ответе на этот вопрос легисты демонстрировали критическое отношение к древности: *«Если непременно следовать древности и ничего не менять, продолжать прежнее и ничего не переименовывать – это привело бы к тому, что уточненная форма и природная сущность не знали бы перемен, а примитивные повозки все еще существовали бы»*.

Оппозиция «конфуцианство – легизм» нашла отражение в «Споре о соли и железе», состоявшемся в 81 г. до н.э., при императоре Чжао-ди и записанном в одноименном трактате Хуан Куаня [10.С.416]. В нем поднимается вопрос о государственных монополиях на соль, железо и вино, а также круг проблем относительно средств финансирования казны, ориентации экономиче-

ской политики, важности той или иной отрасли хозяйства (что считать корнем бэнь 本, а что – вершиной мо 末), методов государственного управления, характера внешней политики, поддержки регионов и др. Конфуцианцы выступали против государственных монополий, считая, что нужно развивать «корень» – земледелие, основное занятие, и ограничить «второстепенное занятие» (ветви) – торговлю. Впрочем, торговля также нуждается в некотором поощрении, ибо в обществе необходимо разделение труда и необходимо поддерживать людей, которые «четно отдавались одному делу». Легисты полагали, что государство должно регулировать экономическую сферу, нужно сохранить монополии на соль и железо и контроль над перевозками товаров. Благодаря этому государственная казна пополняется. Конфуцианцы же настаивали на необходимости подражания легендарной древности, важности следования пути Фуси, Шэньнуна, Яо, Юя и др.

С начала правления династии Хань дальше конфуцианство стало основой философской, политической и духовной жизни китайской империи. Во 2 в. до н.э. с началом правления династии Хань конфуцианство обрело статус официальной идеологии. Конфуцианство было систематизировано Дун Чжуншу, прозванным «Конфуцием эпохи Хань», и дополнено космологической доктриной.

Конфуцианцы оказали значительное влияние на образ мышления и управления государством политической элиты.

После принятия учений Конфуция императором У (династия Сунь), принцип мягкой силы заняла официальную позицию, по крайней мере номинально.

К примеру, «мягкая сила» в форме доверия необходима правительству, чем наличие военной мощи или обеспечения населения продуктами питания. Мягкая сила Конфуция оказала сильное влияние на управление внешней политикой империи.

Конфуцианцы понимали, что без «жесткой силы» все равно не обойтись. Правители Китая опирались не только на конфуцианство для расширения своего влияния, но на практике использовали как жесткую, так и мягкую силу для установления мира между своими провинциями.

Во внешней политике и политических взглядах древнего Китая отчетливо просматривалась идея мягкой силы. В Китае уже с древних времен практиковалась «ненавязчивая» полити-

ка в отношениях с зарубежными государствами. Китай выбрал путь этики и морали во внутренней и внешней политике. Главным инструментом ее была мягкая сила и воздействие через культурные ценности.

Китай продолжает расширять свое влияние. Если раньше он расширялся в основном путем поглощения территорий, то сегодня, конечно, ситуация изменилась. Китай проводит политику очень грамотной экономической экспансии. На форуме АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество) Китай поднял идею создания зоны единой торговли Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. В первый раз она была выдвинута в 2003-2004 годах, к ней отнеслись скептически, тогда она никого не заинтересовала. Ведь такой огромный АТЭС, колоссальное количество государств, как же все подпишутся под созданием безналоговой зоны. А из чего будут бюджеты получать деньги-то вообще? Но время идет, и Китай постепенно, как обычно мягко это продвигает [11.интернет].

Согласно идее Конфуция, идеальное государство имеет следующие цели: достижение гармонии во взаимоотношениях правителей и подданных и обеспечение такого социального порядка, где каждый должен жить в согласии с природой, а также с самим собой и другими людьми. Государство рассматривалось как механизм поддержания порядка и общения между людьми, регулирующий отношения между управляющими и управляемыми. [12.С.245]

Конфуций развивал патерналистскую концепцию государства, которое трактуется им как большая семья. Власть императора уподобляется власти отца, а отношения правящих и подданных – семейным отношениям, где младшие зависят от старших [14.С. 72-77]. Политическая этика Конфуция в целом направлена на достижение мира между верхами и низами общества и стабилизацию правления.

На развитие современной политической культуры Китая оказывает воздействие «гуаньси» – система, построенная на лояльности клановых связей. Она пронизывает всю сферу общественно-экономической и политической жизни китайского общества.

В политике она подразумевает систему взаимоотношений, клановой преемственности. Ее положительной стороной является корпоратизм, плавная, безболезненная смена руководства. Эта система позволяет также вписывать в

«почетные скрижали истории» имена прежних руководителей, обеспечивать последовательность политической линии, сохранять материально-властные позиции того или иного клана и «гарантии неприкосновенности» для конкретных лиц.

Именно этим был обусловлен в свое время плавный переход власти от «фракции» Дэн Сяопина к близкой по идеям и составу фракции во главе с Цзян Цзэмином, а от него – к молодому руководству КПК и Китая во главе с Ху Цзиньтао, а теперь к команде Си Цзиньпина. Это уже пятая генерация руководителей КНР (Мао Цзэдун – Дэн Сяопин – Цзян Цзэминь – Ху Цзиньтао – Си Цзиньпин).

В традиции политической культуры Китая особая роль отводится сохранению ритуала, сложившихся норм и их постепенной трансформации в духе конфуцианского правила «золотой середины» [15. С.313-330, 362-375, 396-406].

Политическая культура Китая основана на принципах коммунизма, которую он перенял у своего «старшего брата» Советского союза. «Учиться и вновь повторять изученное – это ли не радость?» – начинаются «Беседы и суждения» Конфуция, на котором вырос не один десяток поколений китайских бюрократов. Изучение чужого опыта всегда было одной из основ Поднебесной, а внезапная утрата интереса к заморским делам часто означала для страны начало заката. Не стала исключением и «красная» версия Срединной империи – Китайская Народная Республика. С начала 1950-х гг. КНР строилась на основе изучения и копирования передового опыта «старшего брата» – Советского Союза. СССР наводнили делегации китайских экспертов, которые внимательно вникали не только в советские технологии, но и в принципы общественного устройства, чтобы затем использовать полученные знания при построении молодого государства. После советско-китайского раскола 1960-х гг. интерес к советскому опыту снизился, однако через два десятилетия он возродился с новой силой и на новой основе – китайским экспертам пришлось исследовать уже причины угасания и затем коллапса некогда великой державы. Если при Мао Цзэду Советский Союз изучался как ролевая модель, то в 1990-е гг. он рассматривался как негативный образец: анализируя действия кремлевского руководства, китайские ученые пытались понять, как не надо действовать.

В конце 70-х годов прошлого века руководство Китая, не отказываясь на словах от

конечной цели – построения коммунизма, разрабатывая и реализуя ближайшие планы, стало оперировать не социалистическими лозунгами, а прагматическими категориями. Высшими приоритетами государства и основной задачей Коммунистической партии были объявлены экономический рост и личное благосостояние граждан. Прагматическая фракция в КПК во главе с Дэн Сяопином приступила к осуществлению радикальных реформ в экономике с целью построения рыночного социализма, социалистических рыночных отношений. В декабре 1978 г. декабрьский пленум ЦК КПК принял стратегию четырёх модернизаций в области сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники с целью превращения Китая к началу XX в. в одну из ведущих держав мира. Акценты были сделаны на постепенное освобождение частной инициативы, ослабление государственного контроля над экономикой, повышение жизненного уровня населения. Была провозглашена политика «открытых дверей». Правительство предприняло значительные усилия по привлечению в страну иностранного капитала и современных технологий. Китайская экономика стала активно интегрироваться в мировую экономику.

Вместе с тем рыночные реформы в Китае не сопровождались серьёзными политическими преобразованиями, демократизацией общества и государства. К середине 1990-х годов выявилось отставание реформы политической системы от реформирования экономики [15.С.48].

Реформы сопровождались усилением политического контроля над обществом. Хотя в стране вроде бы существует многопартийность, однако союзнические демократические партии фактически не допускаются к реальным рычагам власти [16.С.493].

Китайская политическая система, по словам У. Банго, – это «многопартийное сотрудничество и политические консультации под руководством КПК, а не многопартийная система Запада. Коммунистическая партия – руководящее ядро, правящая партия, а другие демократические партии – лишь активные участники демократического процесса» [17.С. 52-53]. Руководящая роль 73-миллионной Коммунистической партии Китая остаётся незыблемой, хотя и предусматривается дальнейшая демократизация общественной жизни, активизация участия масс в политическом процессе [18.С.72-77].

Политическая культура любого общества во многом детерминируется национальным ха-

рактером, национальными традициями в политическом поведении, которые, сохраняя историческую непрерывность политического процесса той или иной социальной общности, формируют механизм наследования новыми поколениями наиболее устойчивых и специфических элементов культуры.

Отличительными особенностями национального характера китайцев является верность традициям и коллективизм. Коллективизм традиционен для Китая. Как отмечают многие исследователи, китайцы обычно связаны групповой ответственностью тех социальных образований, в которые они входят. Это прежде всего семья, школа, рабочая ячейка и община, интересы которых являются приоритетными. Это связывает во многом их инициативу, индивидуальные устремления, лишает социальной и территориальной мобильности. С точки зрения европейских традиций, некоторые рассматривают это как негатив, ограничение прав и свобод личности.

Отличительными особенностями национальной психологии, национального характера китайского народа являются прилежание, трудолюбие, дисциплинированность, вежливость. Они хорошо работают в команде, а с иностранцами обычно вежливы.

Социальная гармония и личное благополучие достигаются соблюдением принципов конфуцианского общественного порядка. Конфуцианская этика создаёт прочные основы политической организации, поскольку выполнение социальных обязанностей здесь обретает высший смысл. Всё это, естественно, не могло не найти отражения в политической культуре китайского общества.

Сила традиций оказалась очень живучей. Об этом свидетельствует хотя бы то, что, несмотря на огромные усилия, направленные Коммунистической партией Китая на формирование новой политической культуры населения и новой социалистической личности, эта задача в КНР так и не была решена, хотя руководство страны умело использовало многие элементы традиционной политической культуры для упрочения своего господства. Например, те же патриархальные отношения в семье, подчинение младших старшим служили моделью политических отношений. Ценности патриархальности в видоизменённой форме были использованы в социалистическом Китае, когда на смену императору пришли руководители компартии, а на смену конфуцианству – марксизм-ленинизм и

идеи Мао Цзэдуна. Они помогли легитимировать власть в глазах народа. Ту же роль сыграла идея конфуцианства о нравственном патерналистском начале верховной власти, которая обладает единственно верным учением, высшей добродетелью и неустанно, по-отечески заботится о благе простого человека.

На новый политический строй и его идеологию «работали» также коллективистские традиции конфуцианства, ибо основу коммунистической идеологии как раз и составляет идея коллективизма в противовес буржуазно-либеральному индивидуализму. Можно сказать, что коммунистическая идеология нашла в Китае с его конфуцианскими традициями очень благодатную почву.

Что касается политической культуры современного Китая, то, согласно исследованиям социологов, большинство китайцев по-прежнему разделяет традиционные конфуцианские ценности и строит своё социальное поведение в соответствии с ними. Более того, глобализация даже усилила национальные чувства китайцев, обострила их социокультурную идентичность. Отсюда некоторые исследователи делают вывод, что конфуцианские традиции противостоят модернизации Китая. В этой связи В.В. Анохина пишет: «Древняя даосская традиция, тесно переплетавшаяся в истории китайской культуры с буддизмом, вообще полагает личностное начало в человеке источником всех бед и заблуждений, препятствующим естественному ритму космического Дао. Поэтому в китайской ментальности нет установки на признание блага человека, неотчуждаемости его права на жизнь, свободу и социальное благополучие решающим критерием оценки общества и всех его социальных институтов. Подобная система ценностей, являющаяся безусловным достоянием европейской цивилизации, не может служить адекватным мерилom оценки китайского понимания качества жизни» [19.С.56].

Нынешние масштабные реформы в Китае, экономическая и политическая модернизация

проводятся централизованно, полностью контролируются властями, и рыночная экономика успешно развивается под контролем государства. Высокая внутренняя гомогенность и этнокультурная однородность населения помогает поддерживать высокий уровень национальной самоидентификации, национального самосознания, внутриэтнической солидарности.

Вместе с тем, вопреки широко распространённому мнению, эта культура внутренне не замкнута и не этноцентрична. Она вполне способна гибко воспринимать инокультурные ценности, но не механически перенося на свою национальную почву, а «переваривая», приспособливая их к своему национальному бытию. Ведь ни для кого не секрет, что модернизация в Китае сопровождается активным проникновением в страну иностранного капитала, расширением коммуникационно-информационного обмена, распространением западных стереотипов восприятия и оценки действительности. Кроме того, граждане Китая имеют возможность с помощью многочисленных СМИ, Интернета, путешествий и контактов с иностранцами получать огромное количество информации, в том числе и критической, по отношению к действующей власти. Однако от этого китайская культура не размывается, не становится менее «китайской». В определённом смысле синтез западных ценностей и конфуцианско-буддийской традиции во многом определяет сущность современного этапа политико-культурного развития не только Китая, но всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

Гибкость и способность к реинтерпретации традиционных ценностей в духе современности, к перманентному самообновлению, к творческому восприятию и адаптации инокультурных влияний с опорой на национальную традицию – именно здесь в значительной степени скрыта разгадка «тихоокеанского чуда» – гигантского рывка «азиатских драконов», да и самого Китая, практически во всех сферах жизни.

Библиография:

1. Звягина Д. А. Культурное влияние как компонент «мягкой силы» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2012. №11 [25] в 2-х ч. Ч. II. С.94-98.
2. Гревцова А.Н. Мягкая сила Китая как способ расширения его политического влияния на страны АСЕАН // Молодой ученый. 2012. №3. С.313-315.
3. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power, (New York: Basic Books, 1990).
4. Джозеф Най. Мягкая сила Китая в китайской мечте («Вэньхуэйбао», Гонконг, 2013).
5. Segal G. Does China matter? // Foreign Affairs/. Vol. 78/ № 5, 1999. Pp. 24-36.
6. Youling, Liu, "External Communication as a Vehicle for Disseminating Soft Power," page 18.
7. Шу Цзин // Перевод С. Кучера. Древнекитайская философия. М., 1994. -Т1. -С.111.

8. Трактат «Лихолунь» и буддийские верования китайцев [Текст] / Л. Е. Янгутов, Д. Б. Бадмаева // Вестник Бурятского государственного университета.-2007.-1994-0866, Вып. 11.-011 . 26-33.-Библиогр.: с. 33 (28 назв.)
9. Ruiping Fan, «The Renaissance of Confucianism in contemporary China», page 115.
10. Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те Лунь). Т. 1/ Пер. с кит., введ. и коммент. Ю. Л. Кроля. Спб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1997. 416 С.
11. <http://www.pravda.ru/economics/rules/globalcooperation/26-11-2014/1237247-china-0/>
12. Попов, А.П. Политические системы и политические режимы в Китае XX века / А.П. Попов. – М. : Изд-во «Экзамен», 2007. – С.245
13. Чжао, Мэн. Политическая наука и реформа политической системы КНР / Мэн Чжао // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – № 3. – С. 72–77.
14. Ирхин Ю.В. Социология культуры: учебник. М.: Экзамен, 2006. С.313-330, 362-375, 396-406.
15. Анохина, В.В. Культурные традиции и парадоксы модернизации современного Китая / В.В. Анохина // Весник БДУ. Сер. 3. – 2009. – No 1. – С. 48.
16. Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические приоритеты : науч.-метод. комплекс / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М. : Аспект Пресс, 2011. – С. 493.
17. Бурмистров, П. Когда Китай станет многопартийным / П. Бурмистров, И. Плескачевская // Русский репортёр. – 2009. – No 42. – С. 52–53.
18. Чжао, Мэн. Политическая наука и реформа политической системы КНР / Мэн Чжао // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – No 3. – С. 72–77.
19. Анохина, В.В. Культурные традиции и парадоксы модернизации современного Китая / В.В. Анохина // Весник БДУ. Сер. 3. – 2009. – No 1. – С. 5.

References (transliterated):

1. Zvyagina D. A. Kul'turnoe vliyanie kak komponent «myagkoi sily»//Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie.Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota.2012.№11 [25] v 2-kh ch. Ch.II. С.94-98.
2. Grevtsova A.N. Myagkaya sila Kitaya kak sposob rasshireniya ego politicheskogo vliyaniya na strany ASEAN// Molodoi uchenyi. 2012.№3. S.313-315.
3. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power, (New York: Basic Books, 1990).
4. Dzhofez Nai. Myagkaya sila Kitaya v kitaiskoi mechte («Ven'khueibao», Gongkong, 2013).
5. Segal G. Does China matter? // Foreign Affairs/. Vol. 78/ № 5, 1999. Pp. 24-36.
6. Youling, Liu, "External Communication as a Vehicle for Disseminating Soft Power," page 18.
7. Shu Tszin//Perevod S. Kuchera. Drevnekitaiskaya filosofiya. M.,1994.-T1.-S.111.
8. Трактат «Лихолунь» и буддийские верования китайцев [Текст] / Л. Е. Янгутов, Д. Б. Бадмаева // Вестник Бурятского государственного университета.-2007.-1994-0866, Вып. 11.-011 . 26-33.-Библиогр.: с. 33 (28 назв.)
9. Ruiping Fan, «The Renaissance of Confucianism in contemporary China», page 115.
10. Khuan' Kuan'. Spor o soli i zheleze (Yan' te Lun'). Т. 1/ Per. s kit., vved. i komment. Yu. L. Krolya. Spb.: Tsentr «Peterburgskoe vostokovedenie», 1997. 416 S.
11. <http://www.pravda.ru/economics/rules/globalcooperation/26-11-2014/1237247-china-0/>
12. Попов, А.П. Политические системы и политические режимы в Китае XX века / А.П. Попов. – М. : Изд-во «Экзамен», 2007. – С.245
13. Chzhao, Men. Politicheskaya nauka i reforma politicheskoi sistemy KNR / Men Chzhao // Problemy Dal'nego Vostoka. – 2010. – № 3. – С. 72–77.
14. Irkhin Yu.V. Sotsiologiya kul'tury: uchebnik. M.: Ekzamen, 2006. S.313-330, 362-375, 396-406.
15. Anokhina, V.V. Kul'turnye traditsii i paradoksy modernizatsii sovremen-nogo Kitaya / V.V. Anokhina // Vesnik BDU. Ser. 3. – 2009. – No 1. – С. 48.
16. Vostok i politika. Politicheskie sistemy, politicheskie kul'tury, politicheskie prioritety : науч.-метод. комплекс / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М. : Аспект Пресс, 2011. – С. 493.
17. Burmistrov, P. Когда Китай станет многопартийным / P. Burmistrov, I. Pleskachevskaya // Russkiĭ reportĕr. – 2009. – No 42. – С. 52–53.
18. Chzhao, Men. Politicheskaya nauka i reforma politicheskoi sistemy KNR / Men Chzhao // Problemy Dal'nego Vostoka. – 2010. – No 3. – С. 72–77.
19. Anokhina, V.V. Kul'turnye traditsii i paradoksy modernizatsii sovremen-nogo Kitaya / V.V. Anokhina // Vesnik BDU. Ser. 3. – 2009. – No 1. – С. 5.